

Проведя некоторое время вместе с дочерьми, теперь необходимо было психологически вступить в дискуссию со своими детьми, поскольку все они достигли бунтарского возраста, и последствия были ужасны, возможно, они приведут к разрыву отношений. Ей необходимо было внести поправки, чтобы устранить многие проблемы, пока все не пошло наперекосяк. Теперь, когда в этой семье произошло нечто трагическое, у Лирисы появилась возможность.

Ее дочерям Аллерии, Сильванне, Верес и Лине было 195 лет, 98 лет, 31 год и 3 года соответственно. Теперь казалось, что за исключением Лины, умственный возраст Лирисы был, вероятно, самым молодым.

"Аллерия, ты производишь впечатление несчастной и подавленной. Что-то не так?" Лириса указала на очевидное, но сделала вид, что не поняла, и продолжила: "С сегодняшнего вечера ты и твои сестры можете спорить или обсуждать со мной любые сомнения или разногласия, которые у вас есть. Подавлять себя внутри нехорошо, можно неосознанно испортить наши отношения. Итак, начнем с Аллерии".

"Хм..." Аллерия потеряла дар речи, на ее лице появилось выражение, как вы понимаете. "Что угодно, матушка?" Лириса кивнула и утешающе посмотрела на нее.

"Даже если это тебя разозлит?" с некоторым трепетом спросила Аллерия, вспоминая, как оригинально вела себя Лириса, когда сердилась.

"Я не хочу говорить об этом сейчас и доводить тебя до потери сознания. Может быть, в другой раз?"

Лириса лишь окинула ее пустым взглядом. Глупая девчонка, беспокоится о состоянии моего здоровья, а мне гораздо важнее разрешить наше недоразумение, подумала она. Она ответила: "Это не имеет значения, я обещаю".

Все же Аллерия бросила на нее недоверчивый взгляд, а затем получила нетерпеливый пристальный взгляд от матери. Наконец она сдалась, открыв рот и снова закрыв его. Так повторялось несколько раз, пока она не подписалась. Хотя выражение лица Лирисы не было терпеливым, она, безусловно, была самой спокойной. Глубоко вздохнув, Аллерия сказала: "Я не жалуюсь, но быть Виндраннер - это кандалы для меня, особенно для старшей. Ожидания и требования людей воспринимаются другими как должное, и пока они сами не испытают это на себе, никто не поймет, через какое давление и бремя мне приходится проходить. Я упорно тренировалась каждый день; даже если я достаточно способна, чтобы легко справиться с заданием, никто не скажет: она хорошая ученица, очень талантливая. Скорее, скажут: это же Виндраннер, чего еще ожидать? Они не видят моей тяжелой работы! Это просто вклад Виндраннер".

Аллерия продолжала бормотать о своих трудностях и неприятии того, что ей навязывают роль наследницы, и время от времени украдкой поглядывала на Лирису, опасаясь ее внезапного возмущения. Выпустив все, что накопилось в душе, Аллерия почувствовала себя гораздо лучше, и на ее плечи легло меньше груза. Лириса только улыбалась во время всей этой жалобы и, казалось, ничуть не страдала. Она спросила: "Теперь тебе лучше, после того как ты рассказала матери?"

Аллерия кивнула, недоумевая, почему Лириса до сих пор не отругала ее. В конце концов, она знала, сколько мать платит и ждет от нее. Лириса ответила: "А что? Ты все еще хочешь гнева и ругани матери? Похоже, тебе очень нравится, когда тебя "балуют"".

Аллерия быстро замотала головой, как погремушкой, боясь, что ее воображаемый страх может

стать явью.

"Конечно, твоя мама очень разочарована и обижена", - Лириса произносила каждое слово с трудом, как будто ей было тяжело пережевывать новость. На лице Аллерии отразилось чувство вины и раскаяния: она никогда не хотела обидеть свою мать. Ей следовало держать это в себе.

"Однако мама очень довольна твоим упорством и результатами. Я всегда гордилась тобой, Аллерия. Ты - моя гордость. Все вы, девочки, - мои малышки, и никто не должен их порочить. Я ценю то, что вы думали и через что прошли. Так что, Аллерия, мне, может быть, действительно немного грустно от твоих мыслей; но я очень рада, что ты их высказала. По крайней мере, мы можем решить эту проблему вместе. Ты и я, через диалог, как обычные родители и дети".

Она подумала про себя: "Никогда не думала, что стану хорошим родителем. Современный образ мышления очень помогает в этой ситуации. К счастью, она читала книги по воспитанию детей, связанные с этим обсуждением. Она внутренне посмеялась над собой.

Аллерия незаметно кивнула, и ее глаза засияли, когда она выслушала ответ матери, совершенно не похожий на то, что она предполагала. Лириса продолжала: "Так что, естественно, я выслушаю тебя, но жду от тебя того же, о чем просила. Конечно, это будет не мое требование. Прежде чем мы будем говорить о деталях, связанных с этим, позволь мне сначала узнать, чего ты хочешь на самом деле".

Аллерия избегала ее взгляда и просто лениво лежала, искренне прикидывая свои желания. Между ними воцарилось молчание; Сильваннас и Верес тоже молчали, ожидая ответа. Но то, что Аллерия сказала дальше, едва не вышвырнуло их из кресла, включая Лирису. Конечно, она не собиралась опускаться, ей просто хотелось поиздеваться над Аллерией. Она ответила просто:

"Я не знаю".

Аллерия с радостью приняла подарок от любящей матери. Лириса с некоторой силой, хотя и очень мягко, шлепнула ее по лбу. Аллерия вскрикнула и схватилась за лоб, ее рот мило надулся, и сестры захихикали. Лириса подумала: пожалуйста, ты уже взрослая, тебе почти 200 лет, перестань вести себя как маленькая. Лириса поняла, почему она не решила проблему раньше. Дело было не в том, что она не знала, а в том, что она не могла решить проблему до конца. Поэтому она бросила Аллерию в тренировочный лагерь, чтобы та была более взрослой и погрузилась в укрепление себя. Как старуха, 2500 лет опыта не прошли даром, но от этого отношения только отдалялись.

Взяв Аллерию за правую руку, а другой массируя висок, Лириса решила сказать, что у нее на уме: "Я догадываюсь, чего ты хочешь. Тебе нужно признание других.

Ты не хочешь оставаться в навязанной мной клетке. Ты хочешь свободно летать и самостоятельно добиваться того, о чем мечтаешь, без моей помощи. Но, милая моя, хотя я и согласна с твоими мыслями, я не могу их поддержать".

Лириса слегка взглянула на Аллерию и увидела, что та закрыла глаза. Только неровное дыхание свидетельствовало о том, что она не спокойна в данный момент. Почувствовав тепло от дочери, Лириса продолжила: "Ситуация такова, что, несмотря ни на что, ваша фамилия - Виндраннер. В Квель'Таласе, будь то наш враг или группа, которая хочет использовать нас в своих интересах, ты не сможешь убежать. Вы всегда будете затронуты даже из темноты. Если вы хотите по-настоящему наслаждаться свободой, вам следует укрепить себя и иметь собственную силу, достаточную для того, чтобы отпугнуть их".

"Свобода не дается другими, за нее нужно бороться. Помните об этом", - говорила Лириса, чтобы все ее дочери поняли. "Не беспокойтесь о наследстве. Послушав вас, я не собираюсь в ближайшее время уходить на пенсию. Так что не беспокойся об этом, Аллерия, как насчет того, чтобы заключить сделку?"

Аллерия повернула голову в поисках ответа. Она услышала только совет матери: "Стань сильнее, вступи в легионы рейнджеров, чтобы твой престиж и репутация росли, и больше разговаривай с нашей семьей. Сними ношу со своих плеч, я понесу ее за тебя. Просто тренируйся и наслаждайся жизнью во время всего этого процесса. От тебя требуется только дисциплина. Я верю, что у тебя все получится". Ответив ей, Лириса повернула голову в сторону Сильваннас и увидела, как та сразу же выпрямилась. Она нахально улыбнулась ей, и Лириса закатила глаза, не желая больше ничего говорить. Она проигнорировала небольшое наказание Сильваннас и вместо этого спросила Верес.

Ее смелость исчезла, как только она встретилась с ясными глазами матери. Покрутив серебристые волосы, Верес пролепетала: "Я ничего не хочу. Я надеюсь больше играть и меньше тренироваться."

Я хочу, чтобы мама сопровождала меня во время игры".

Лириса кашлянула, не ожидая, что ответ Верес задушит ее в бессилии. Она думала, что требование будет таким серьезным, потому что ее дочь заикается. Кто бы мог подумать, что ее тридцатилетняя дочь все еще хочет, чтобы ее мать играла с ней вместе? Она молча покачала головой и подумала, что это все еще не повзрослевшее избалованное отродье. Похоже, твоя мать еще не дала тебе серьезного образования. Ничего, подожди, пока я освобожусь и дам тебе достаточно любви.

Верес вздрогнула от холода за шеей, потерла ее руками и недоверчиво огляделась по сторонам - вокруг стало еще холоднее. Не желая больше обращать на это внимание, она перешла к Сильваннас, которая теперь сопела, зажав рот обеими руками. Ее глаза весело блестели. Затем Лириса перевела взгляд на Аллерию. Теперь она поняла: Аллерия повернулась на бок, прижавшись к Лирисе дрожащей спиной. Но Лириса в душе пожаловалась: "Неужели ты так сильно трясешься, что даже стул издает звук трения?"

Лириса не стала больше беспокоиться и спросила Сильваннас: "А ты, Сильваннас?". Сильваннас терпела неловкий резкий смех, ей не хватало воздуха, чтобы высказать свои мысли. Лириса язвительно поинтересовалась: "Хочешь, чтобы мама дала тебе чашку воды". Встретившись с суровым взглядом матери, она даже не смогла набраться смелости, чтобы согласиться. Шучу, кто не знает, на что способна моя мама в гневе?

Сильваннас умоляюще смотрела на мать: "Я ничего не хочу, только одна просьба. Я не хочу подчиняться так называемым правилам и этикету. Я просто хочу расслабиться, когда сопровождаю свою семью. Друг с другом никаких правил, простого уважения, по-моему, достаточно". Лириса была уверена в своей второй дочери. Глядя на ее будущее, по крайней мере, то, что она станет королевой, заставит весь мир трепетать после ее имени.

Лириса подумала, но твои уговоры будут более убедительными, если ты перестанешь тыкать указательным пальцем друг в друга. Она ответила: "Я согласна, пока это не публичный случай, ты можешь делать, что хочешь. Мне все равно. Но ты не должна терять самоуважение, сдержанность и отношение к семье".

После этого, уже не беспокоясь и немного устав, она обняла Лину, которая все это время спала

в кресле, и погрузилась в сон. Сегодняшний вечер дочери могли бы признать самым удивительным днем. Младшая не заметила бы незначительных изменений в матери, но две старшие ясно понимали, что их мать значительно изменилась, и это было к лучшему. Она сопереживала им и излагала свои требования мягко, как сделку, а не принудительно строго. Она объяснила, почему требует этого от своих дочерей.

Аллерия и Сильваннас никогда еще не чувствовали себя так спокойно; они верили, что сегодняшний день будет самым плодотворным. Сестры смотрели друг на друга, понимая друг друга, а их младшая сестра демонстрировала беспечность, как говорится, неведение - счастье.

Ночь прошла спокойно для сестер, которые совсем недавно потеряли отца. Они с нетерпением ждали завтрашнего дня с гарантией и любовью матери. Они были благодарны ей за то, что она была для них мамой.

<http://tl.rulate.ru/book/93619/3160598>